

дзям'янскай. Ён быў вельмі таленавітым і духоўна багатым чалавекам, цудоўна маляваў і шмат пісаў вершаў - лірычных, патрыятычных і інш. У час нашага знаходжання ў Аўстрыі (горад Вінернойштат) Валодзя сфатаграфавалі мяне седзячым на крыле трафейнага «Мерседэса», а таксама зрабіў здымак за раялем у час канцэрта мастацкай самадзейнасці, у якім мы разам удзельнічалі. Нельга не нагадаць імя майго франтавога сябра падпалкоўніка Аляксея Хаўронава, які зараз жыве ў Нальчыку. Нельга не ўспомніць таксама добрым словам маю франтавую сяброўку медсястру нашага палка Ніну Ткачэнка, удаву былога пампатаха часці Івана Ткачэнка. Адзначу, што некаторыя вершы майго сябра Валодзі Цітова я пераклаў на музыку. Ноты гэтых песень, якія спявалі многія ў нашым палку, я захаваў да гэтага часу ў сябе. З асаблівым інтарэсам успрымаўся песні Ул. Цітова «Разлука» і «Твой день рождения», апошнюю з якіх Валодзя прысвяціў сваёй будучай жонцы Дзіне.

Паступіў у рэдакцыю 05.05.05.

л.л. КАРОТКАЯ

СУДЬБА И ЖИЗНЬ

Лариса Леонтьевна Короткая - кандидат филологических наук, доцент, известный литературовед, долгое время преподавала на кафедре русской литературы БГУ. Лариса Леонтьевна - ветеран Великой Отечественной войны, партизанка и подпольщица, уполномоченная особого отдела отряда «За Айчыну» бригады «Штурмовая». Среди ее боевых наград - орден Отечественной войны I степени, медали: «Партизану Отечественной войны» I степени, «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Война... В то воскресное утро мы пошли купаться с подружкой Марусей Терещенко (ее потом расстреляли немцы). Весело проходя мимо школы, встретили директора, а он нам и говорит: «Вот вы смеетесь, а война началась».

Вскоре по дорогам пошли беженцы, по ночам в Минске было видно зарево от бомбежек и пожаров. Стала собираться и я с сыном, хоть взять-то с собой было нечего. Была, как сейчас помню, одета в легкое шелковое платье, в балеточки (туфли такие легкие типа тапочек). Дошли лишь до Борисова - там немцы нас обогнали, пришлось возвращаться домой в Острошицкий Городок.

Подпольную работу мы начали сами, стихийно, никто нас к этому не приуждал. Случайно узнав, что один мой бывший одноклассник ремонтирует немцам радиоприемники, я сказала: «Людам же интересно, что на фронте делается, - ты нам сводку давай». Он согласился, и мы с девчонками стали переписывать сводки печатными буквами (чтобы почерк наш не узнали), отдавать тем, кого сами хорошо знали. Из друзей-единомышленников постепенно сформировалась подпольная группа, в которую вошли доктор Розум и акушерка Нальгачева (они укрывали и лечили раненых красноармейцев), инженеры Якунин и Черемовский, учителя Терещенко, Войтенков и Сороко, ученики-комсомольцы Тоня Стефанович, Люба Врубель, Нина Стосуй, Женя Яцук, Коля Боровский, Павлик Ботяновский. Позже группу возглавил завуч Кирилл Иванович Шестаков. Он и погиб вместе со своими воспитанниками в 1944 г. в Тростенце. После войны в живых кроме меня остались Яцук и Якунин. Теперь, наверное, осталась только я: успела убежать от ареста, потом была в партизанском отряде, участвовала в боевых действиях, была серьезно ранена.

Мне удалось устроиться переводчицей на лесозаводе, я неплохо знала немецкий, так как изучала этот язык и в школе, и в институте. Когда приезжали немцы, я участвовала в их переговорах с администрацией завода по хозяйственным вопросам. А жила с сыном в доме при лесозаводе у Веры Фоминичны, вдовы комиссара гражданской войны. К тому времени довелось и голодать, и шайморы есть (шайморы - это перемерзлая картошка, ее весной выкапывают и

из крахмала делают лепешки), шелуху картофельную использовали в пищу. На лесозаводе за работу зерном платили. Как-то ночью ко мне постучали (дом-то на отшибе), сказали, что партизаны, я впустила. Они нуждались в одежде, продуктах. Один парень шкаф открыл, там висела кожанка мужа, он спросил: «Вам это нужно?» «Наверное, вам нужнее», - ответила я и отдала кожанку. Позже, будучи уже в отряде, я видела в ней командира роты Лешку Голощекина.

Моя мама во время войны работала медсестрой в больнице. Там не хватало инструментов, медикаментов, поэтому многие пациенты умирали. Как-то недалеко от нашего дома остановился немецкий санитарный фургон. Я вышла на улицу и заговорила с немцами. Они удивились, что я знаю немецкий, и сказали, что хотели бы побольше узнать про нашу страну. Один из них сказал: вы нас не бойтесь, мы не хотим воевать и убивать. Они приходили ко мне пару раз. Я много рассказывала о нашей стране, они - о себе. Как-то я заметила, что в помещенье, где мы беседовали, заглянул еще один немец. Он был врачом и приходил якобы одолжить таз. Позже выяснилось, что немец доложил начальству о ведении пропаганды молодой учительницей. Мне грозил расстрел. Но несмотря на это, я решила попросить лекарства у одного из знакомых немцев, объяснила для чего. Он не сразу, но все же дал бинты, обезболивающее и снотворное. Может, он и выжил, тот немецкий парень? Его звали Карл Гейнц Даниельсмейер.

Встретила я и другого такого же немца, коммуниста Эриха. Обычно в Острошицком Городке, когда немцы ели, детишки подходили к ним - иногда что-то с «Барского стола» перепало. Сын мой, Варлен, как-то тоже подошел к ним с баночкой, ему налили немного супа, а молодые немцы повесили ему еврейскую звезду из бумаги с надписью: «Юдэ». Я перепугалась: теперь любой полицай мог моего сына пристрелить. Пошла их стыдить: что вы издеваетесь над маленьким беззащитным ребенком? Немцы только смеялись, а один, постарше пошел за мной и сказал: «Что с них возьмешь, они молодые и глупые». Потом Эрих еще приходил, пока они в деревне стояли, приносил еду. Когда между нами возникло доверие, он сказал, что при удобном случае сразу перейдет на советскую сторону.

Кстати, размышляю сегодня над событиями прошлого: знал ли вермахт о зверствах на востоке или во всем виноват СС? Знали, конечно, все солдаты, кто был в Беларуси.

Вскоре на лесозавод из деревни прибежала встревоженная мама и говорит: «Тебя ищет полиция». Оказывается, доктор Розум лечил одного полицая, и тот проговорился, что собираются арестовать Ларису. А конспираторы мы, конечно, были неопытные. Что же мне делать, куда с ребенком побежишь? Посоветовалась с Верой и решили, что мой сын побудет некоторое время у нее, а я сама пойду в партизаны. Оставила записку для Черемовского: «Сергей Константинович! Мне нужно попасть в отряд», - и далее написала, у кого в Минске останюсь. Как раз машина, груженная досками, отправлялась в Минск. Я и уехала на ней. Это было в начале 1943 г. (а с октября 1942 г. я была связной). Черемовский нашел меня в Минске и сказал, что тоже бросает работу (он был дорожным инженером) и уходит в лес, в отряд, который дислоцировался у деревни Карпиловка Логойского района (потом - около деревни Хоружницы). Мы пошли из Минска пешком, добрались до деревни Лусково и там нашли партизанских связных, которые сообщили о нас в отряд, и помню, за нами приехали на санях (это было начало марта).

Теперь мы знаем, что для фронта, для победы работала огромная страна. Советские солдаты были одеты, обуты, накормлены. А где могли взять одежду и продукты партизаны? Тут просто по-житейски надо рассудить: у войны свои законы и партизанский отряд, например, в 300 человек надо чем-то кормить, поэтому и вынуждены были партизаны идти за помощью по деревням. Да и большинство крестьян понимали, что они обязаны помогать. Этот хлеб отработывали, как говорится, потом и кровью. И я всеми силами сегодня выступаю против тех, кто начинает такой антипартизанский «поход».

Еще до войны в школе нас убеждали: не было в истории случая, чтобы оккупанты принесли чужому народу благоденствие. В нас жила романтическая жажда подвига.

Я перед войной организовала в школе драмкружок, и мы играли «Партизан» Кондрата Крапивы. Какие замечательные ребята в спектакле участвовали! Они тогда не знали, что сами себя играли. Погибли в партизанах.

Наш отряд стоял в Логойском районе, в лесу, возле речки. Были вырыты землянки, в них сделаны печки, нары, спали впокат (не раздеваясь) - где кому нашлось место. Нас с Черемовским распределили так: меня - в разведку, его - в роту. В состав бригады «Штурмовая» входило несколько отрядов, в нашем было три роты - около 300 человек. На задания партизаны ходили с охотой еще и потому, что в любой дом зайди - люди обогреют, накормят, доброе слово скажут. Мне еще больше повезло, все знали моего папу, замечательного фельдшера, и, как узнавали, что я его дочка, то и молочком старались угостить, и сметанкой. В Карпиловке, Буде, Вяче, Лысой Горе, в Гаянах, Тукаловке - всюду сельчане относились ко мне как родные.

У меня «на вооружении» были карабин, пистолет «вальтер», планшетка, граната «лимонка». На одной из послевоенных фотографий у сына Варлена через плечо висит эта планшетка, а в руках - «вальтер». Я была на связи с гарнизонами. Вместе с Ниной Стосуй мне удалось организовать диверсию на лесозаводе - я передала магнитную мину, и Нина подложила ее под котел. Рвануло минут через 15. Нина чуть не погибла.

Приходилось мне и полицейских перевербовывать: одному из них, Барташевичу, я написала письмо примерно такого содержания: «Вспомните, как в самом начале войны мы с вами вместе были беженцами, собирались бороться против фашистов. Теперь вы стали начальником полиции - понимаю, что вам непросто было сделать такой выбор. Но как вы потом отчитаетесь за службу у фашистов, когда придут наши? Я вам зла не хочу, а наоборот...». И предлагала ему сотрудничать с нами. Переправила письмо адресату. Позже Барташевич передал партизанам список агентов гестапо, но, к сожалению, воспользоваться им нам не удалось, он был утерян во время блокады. Однако этот поступок Барташевичу после войны был учтен: он отсидел срок и вернулся домой, никто его больше не трогал.

Запомнилось мне, как в отряде отмечались праздники 8 Марта и 1 Мая в 1944 г. В женский праздник был накрыт относительно хороший стол, выпущена стенгазета, нас, партизанок, поздравляли. И хоть я была ранена, но сидела за столом со всеми. Даже танцевала. А на Первомай организовали партизанский парад, прошлись по лесным дорогам со всем нашим оружием: минометами, пулеметами, автоматами. У нас даже пушка была! Я запеваала в парадном строю песню: «Утро красит нежным светом...».

С 1 января по 15 июля 1944 г., как написано в моем партизанском удостоверении, я была уполномоченной особого отдела. Нас в отделе было четверо, и все - с высшим образованием: три учителя и один инженер.

Заметила я как-то, что меня слишком часто стали посылать в наряд на кухню картошку чистить. Оказалось, там всем очень нравилось, как я за работой рассказываю и про Пушкина, и про Есенина, и поэму «Курган» наизусть читала... Я как узнала про такое, говорю: «Все, больше ничего вам рассказывать не буду, у меня есть дела поважнее картошки».

Партизанские разведчики находились в скрытом дозоре по всему периметру километрах в десяти от отряда. Я, Прилепо и Грунько контролировали участок в районе деревни Мерковичи: каждый день отправлялись верхом к гарнизонам, выходили на связь с нашими людьми, потом кто-то ехал с сообщением в отряд. И вот однажды видим, как двое мальчишек в кусты юркнули. Мы их догнали и сразу обратили внимание, что у одного из них лежит в авоське немецкий хлеб, кирпичик такой. Стали их расспрашивать и ребята «раскололись». Оказалось, полиция Острошицкого Городка предложила детдомовцам хлеб за то, чтобы они разведали, где базируются партизаны, у кого бывают. Выходит, мальчишки были шпиками. Их, кстати, так и называли некоторое время в Мерковичах, куда мы их определили жить к крестьянам. Они там по хозяйству помогали. Однажды мы их навестили, вижу - один на кличку «шпик» даже отзывается. Я ему говорю: «Вася, ты что! Какой же ты шпик?» Так он после этого стал больше себя уважать.

Мы давалі ребятам заданне, каб яны дакладвалі, не ходзяць ли незнакомыя па дрэвнне. Як-то раз бежит Вася ко мне и говорит: «Один человек спрашивал дорогу на Лусково». Мы научили их, как в следующий раз действовать. Когда этот человек появился снова, один из ребят побежал нас предупредить, другой направил его прямо на нашу засаду. Мы и взяли незнакомца. Привели в хату, стали обыскивать. В том книги «Война и мир», которая была при нем, видим - на чистых местах, между главами, записи: и о месторасположении отряда, и о том, в каком доме в Гаянах останавливается партизанский командир. Доставили мы его в отряд - дело серьезное. И выяснилось, что нам попался самый настоящий шпион, завербованный англичанами еще до войны. Немецким оккупантам он сам предложил услуги. Более того, этого Юрашкевича, доцента, который до войны преподавал в Комвузе, узнал начальник особого отдела отряда. Шпиона отправили в бригаду, им заинтересовалась Москва. Его усиленно охраняли, но он не раз пытался бежать, и при попытке к бегству был убит. После войны жена Юрашкевича доказывала, что он был в партизанах. Она могла и не знать, что он был шпионом. И у нас в БГУ на кафедре белорусского языка была его книга, по ней учились студенты.

Конечно, были лазутчики, которых мы не обнаружили. В блокаду, помню, самолет бомбит лес, и - раз! - взлетает ракета, значит, кто-то ему сигналил.

Я пережила с товарищами по отряду три блокады. Первую - легко, вторая была короткая, а третья, перед самым освобождением, оказалась самой тяжелой: и кони тонули, и люди гибли во время обстрелов, когда шли на прорыв.

Война для нас кончилась внезапно. Мы вышли из блокады, я с кого-то допрос снимала, и тут стали слышны залпы. Этот человек прислушался и говорит: «Это ж наша "катюша"!» Так оно и оказалось. Скоро мы все двинулись маршем в Минск. Пришли в Лошицу пешком (а это километров 25) и там стали готовиться к параду.

Мне нечем особо гордиться: столько людей погибло, а я осталась жива... Мы все стремились к борьбе и очень жаль, что не хватало опыта, осторожности. Но сколько добра от людей, от сельчан я во время войны видела! С тех пор и чувствую себя частью своего народа. Может, это и дает мне силы жить. Плохое, наносное есть всюду. Но разве это главное?

Какие бы ни были наши годы - надо жить в ногу со временем, нужно становиться с годами мудрее, добрее, терпимее.

Поступила в редакцию 21.04.05.

В.В. КАЗЛОВА

ВЯЛІКАЯ ПЕРАМОГА Ё ЛЁСЕ ВЫКЛАДЧЫКАЎ КАФЕДРЫ ГІСТОРЫ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ XX ст.

Вольга Васільеўна Казлова - кандидат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры і культуры. Заслужаны работнік вышэйшай школы. Узнагароджана трыма Ганаровымі граматамі Вярхоўнага Савета БССР, медалямі.

У двары галоўнага корпусу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, непадалёку ад бронзавых помнікаў славытым людзям нашай зямлі Еўфрасінні Полацкай, Кірылу Тураўскаму, Міколу Гусоўскаму, Францыску Скарыне, Сымону Буднаму, Васілю Цяпінскаму замаскіраваны зелянінай стаіць сціплы з бетону і крошкі знак-сімвал памяці студэнтам і выкладчыкам ўніверсітэта - удзельнікам Вялікай Айчыннай вайны (ВАВ). Ідэйны змест помніка ўвасоблены праз мастацкую дэталю - салдацкая вінтоўка са штыком уціснута ў расколіну ромба. Дэталю «зброі» навяла мяне на думку расказачь аб воінах, у чыіх руках была яна, якой мэце служыла і якімі шляхамі калектыў кафедры беларускай літаратуры XX ст. БДУ ішоў да Перамогі.